

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ

*Сборник поучений
святителя Иоанна Златоуста*

**Что значит быть христианином.
Сборник поучений
святителя Иоанна Златоуста**

«Сибирская Благовонница»

2015

Что значит быть христианином. Сборник поучений святителя
Иоанна Златоуста / «Сибирская Благовонница», 2015

Творения святителя Иоанна Златоуста с древности были любимым чтением жаждущих премудрости православных христиан, не утратили они своей актуальности и сегодня. В этом сборнике помещены выдержки из творений святителя по самым разным темам: о любви к Богу и ближнему, о добродетелях и страстях, об отношениях в семье и воспитании детей. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

, 2015

© Сибирская Благовонница, 2015

Содержание

Вместо предисловия[1]	7
Часть 1	10
Как стяжать любовь к Богу[3]	12
О благодарности Богу[4]	14
Любящему Бога невозможно грешить[5]	15
Заповеди Божии и заповеди диавола[6]	17
О наградах, которые Бог уготовал любящим Его[7]	18
Часть 2	20
Увещание к подвигам добродетели[8]	20
Основание всех добродетелей[9]	23
Страх Божий[10]	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Что значит быть христианином. Сборник поучений святителя Иоанна Златоуста Составитель Татьяна Копяткевич

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р14-409-0978*

Текст приводится по изданию: *Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений в 12 томах. Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского, 2009.*

Для удобства восприятия в тексте расставлены абзацы.

Вместо предисловия¹

Кто хочет, пусть поражает меня, кто хочет, пусть побивает меня камнями, кто хочет, пусть ненавидит меня: злоумышления служат для меня залогом венцов, и по числу ран я ожидаю наград. Так, я не боюсь злоумышления, одного только боюсь – греха. Только бы во грехе не уличил меня кто-нибудь, и тогда пусть враждует против меня вся вселенная – эта вражда делает меня более славным. Этому и вас хочу я научить.

Не страшитесь злоумышления человека сильного, но страшитесь силы греха. Человек не причинит тебе вреда, если ты не поразишь сам себя. Если у тебя нет греха, то пусть угрожают тысячи мечей, – Бог спасет тебя. Если же у тебя есть грех, то, хотя бы ты был в раю, будешь извержен. В раю был Адам – и пал, на гноище был Иов – и увенчан.

Какую пользу принес тому рай и какой вред причинило этому гноище? Против того никто не злоумышлял – и он пал, а против этого диавол – и он увенчан. Не отнял ли у него диавол имущества? Но не отнял благочестия. Не лишил ли его детей? Но не поколебал веры. Не растерзал ли его тела? Но не нашел сокровища. Не вооружил ли его жену? Но не поверг воина. Не пускал ли в него стрелы и копья? Но он не получил ран. Придвинул орудия, но не поколебал башни, навел волны, но не потопил корабля.

Соблюдайте же этот закон, увещеваю вас и ног ваших касаюсь, если не рукой, то мыслью, и проливаю слезы! Соблюдайте этот закон, и никто не причинит вам вреда! Никогда не убожайте богатого, никогда не считайте несчастным никого, кроме находящегося во грехе: убожайте того, кто в праведности. Не свойство вещей, но душевное расположение людей делает и тем и другим. Никогда не бойся мечей, если совесть не будет обвинять тебя, никогда не бойся в борьбе, если чиста будет твоя совесть.

Сколько было перемен с того времени, как я сделался предстоятелем в этом городе, и никто не исправляется! Говоря никто, я не всех осуждаю – да не будет! – не может быть, конечно, чтобы эта тучная нива, приняв семена, не произвела плода. Но я ненасытен: я хочу, чтобы не немногие, но все. Если даже один остается погибающим – и я погибаю и не колеблюсь подражать тому пастырю, который имел девяносто девять овец и пошел за одной заблудившейся (см.: Лк. 15, 4).

Доколе деньги? Доколе серебро? Доколе золото? Доколе возлияния вина? Доколе ласкательство слуг? Доколе увенчания чаши? Доколе пиршества сатанинские, служение воле диавола? Разве ты не знаешь, что настоящая жизнь есть путешествие? Разве ты гражданин? Ты – путник. Понял ты, что я сказал? Ты не гражданин, а путник и странник. Не говорите: «У меня такой-то город, а у меня такой-то». Ни у кого нет города; город – горé, а настоящее есть путь. И мы путешествуем каждый день, пока движется природа. А есть ли такой, кто на пути откладывал бы деньги? Есть ли такой, кто на пути зарывал бы золото?

Когда ты войдешь в гостиницу, то, скажи мне, украшаешь ли эту гостиницу? Нет, но ешь и пьешь и спешишь выйти. Настоящая жизнь есть гостиница. Мы пришли и проводим здесь настоящую жизнь; постараемся же выйти с доброй надеждой; ничего не будем оставлять здесь, чтобы не погубить там.

Когда ты войдешь в гостиницу, то что говоришь слуге? «Смотри, куда кладешь вещи, не оставь чего-нибудь здесь, чтобы не пропало что-нибудь, ни одна мелочь, ни один пустяк, чтобы все принести нам домой». Так мы и в настоящей жизни будем смотреть на жизнь как на гостиницу и ничего не будем оставлять здесь, в гостинице, но все понесем в Отечество.

¹ Беседа когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен, и о садах и писаниях, и на слова: *Предста Царица одесную Тебе* [Пс. 44, 10] (3–6, 14–15). Здесь и далее текст толкований и бесед святителя приводится в сокращении.

Ты – путник и странник, или, лучше, ты меньше и путника. Как это? Сейчас объясню. Путник знает, когда он входит в гостиницу и когда выходит, потому что он властен и выйти, и войти, – а я, входя в гостиницу, то есть в настоящую жизнь, не знаю, когда выйду. Иногда я przygotowываю питание на долгое время, а Господь внезапно вызывает ко мне: *Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). Неизвестен выход, непрочно стяжание, тысячи стремнин, со всех сторон волны. Зачем же ты увлекаешься этим призраком безумия? Зачем, оставив истину, прибегаешь к теням?

«Что же, – скажешь, – нам делать?» Одно делай: возненавидь деньги и люби свою жизнь. Отвергни имущество, – не говорю все, но отдели лишнее. Не желай чужого, не обирай вдовицы, не похищай у сироты, не овладевай их домом. Я говорю не о лицах, но о делах.

Зачем похищаешь там, где зависть? Похищай там, где венец. Похищай не землю, а небо: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Зачем похищаешь у бедного, который жалуется? Похищай у Христа, который хвалит. Видишь ли безумие и неистовство? Ты похищаешь у бедного, который имеет немного? Христос говорит: «У Меня похищай, и Я буду благодарить тебя за похищение; Царство Мое похищай и бери силой».

Если бы ты захотел похитить царство земное или, лучше, если бы захотел даже подумать о том, ты был бы наказан, а Царства Небесного если не похитишь, то будешь наказан. Где житейское – там зависть, а где духовное – там любовь. Об этом размышляй каждый день, чтобы, опять увидев после двух дней кого-нибудь несущимся на колеснице, одетым в шелковую одежду, надмевающимся, ты не смутился и не встревожился. Не хвали богатого, но только того, кто живет праведно. Не осуждай бедного, но учись иметь о вещах правильное и не обманчивое суждение.

Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда – Церковь, твоё спасение – Церковь, твоё убежище – Церковь. Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветет. Церковь называется многими именами. Она называется девой, хотя прежде была блудницей, потому что это и есть чудное дело Жениха: что Он взял блудницу и сделал девой. Необыкновенные и дивные дела!

Потому и говорит пророк: *Предста Царица одесную Тебе в ризах позлащенных* (Пс. 44, 10). Не об одежде говорит он, но о добродетели. Не сказал пророк: «в золоте», но в *позлащенных*.

Слушай со вниманием. Золотая одежда бывает вся золотая, а позлащенная бывает частью из золота, а частью из шелка. Почему же он сказал, что невеста носит одежду не золотую, а позлащенную? Вникни тщательно. Он понимает здесь церковную жизнь, а она разнообразна: не все мы одинаковы по жизни, но один подвизается в девстве, другой во вдовстве, иной в другом виде благочестия. Одежда Церкви есть жизнь Церкви.

Так как Господь наш знал, что если бы Он указал один путь, то многие были бы нерадивыми, то Он и указал разные пути. Ты не можешь идти путем девства? Иди путем единопрачия. Не можешь через единопрачие? Иди, по крайней мере, через второй брак. Не можешь идти путем целомудрия? Иди путем милосердия. Не можешь идти путем милосердия? Иди путем поста. Не можешь тем? Иди этим. Не можешь этим? Иди тем.

Поэтому пророк и показал не золотую, а позлащенную одежду. Она вместе и шелковая, и пурпурная, и золотая. Ты не можешь быть золотым? Будь шелковым – Я принимаю тебя, только в одежде. В этом смысле и Павел говорит: *Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы* (1 Кор. 3, 12). Ты не можешь быть драгоценным камнем? Будь золотом. Не можешь быть золотом? Будь серебром – только бы *на основании*.

И еще в другом месте: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 15, 41). Ты не можешь быть солнцем? Будь луной. Не можешь быть луной? Будь звездой. Не можешь

быть великой звездой? Будь, по крайней мере, малой – только бы на небе. Не можешь быть девственницей? Живи в браке с воздержанием – только бы в Церкви. Не можешь быть нестяжательным? Будь милосерд – только бы в Церкви, только бы в одежде, только бы под руководством Царицы!

Часть 1 О любви Бога к людям²

До каких же пор мы будем прилепляться к [тленному]? До каких пор будем прикованы к земле и, как черви, будем пресмыкаться в грязи? Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы через него и душу низвели в землю. Оно – земное, но если я захочу, будет небесным. Смотри, какой честью Он нас почтил, предоставив нам такое дело! «Я сотворил, – говорит Он, – землю и небо; даю и тебе творческую власть: сотвори землю небом – ты можешь сделать это».

О Боге сказано: *Кто сотворил все и претворяет* (Ам. 5, 8). Но такую же власть Он дал и людям, подобно тому как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам упражняется в этом, но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. «Я сотворил, – говорит Он, – прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее: соделай прекрасную душу. Я сказал: *Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое* (Быт.

² Толкование на Первое Послание к Тимофею, 15 (4).

1, 11). Скажи и ты: “Да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по Твоему желанию должно произойти”. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, чтобы ругаться над ним, то есть диавола. Не пожалел Я для тебя и этой власти. Ругайся над ним и ты, если хочешь, – можешь связать его, как птичку.

Я воссияваю солнце на злых и благих – подражай и ты: раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю и благотворю оскорбляющим

Меня – подражай и ты: ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния – подражай и ты и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе – зажги и ты светила, блистательнее этих, ты можешь сделать это: просвети заблудших. Дать познать Меня – большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо – ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, что Я дал тебе силу даже в более важных делах!»

Видите, возлюбленные, как мы почтены, а между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: «Для чего мы одарены свободной волей?» Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. «Я управляю, – говорит Он, – Ангелами, и ты – через Начаток.

Я восседаю на царском престоле, и ты совосседаешь Мне – через Начаток: *И воскресил с Ним*, – говорит апостол, – *и посадил на небесах во Христе Иисусе* (Еф. 2, 6). Тебе поклоняются Херувимы и Серафимы и все Ангельские силы, Начала, Власти, Престолы, Господства – через Начаток. Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, пред которым трепещут даже бесплотные силы.

Но что скажу еще? Не этим только изъясляю Я Свою любовь, но и страданиями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истощил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвращающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобой и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собою; “Ешь Меня, – сказал Я, – и пей Меня”. И горé держу тебя, и долу соединяюсь с тобой.

Разве не довольно для тебя того, что Начаток твой я держу горé? Разве это не удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю и не просто смешиваюсь с тобой, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение, и смешение, и соединение, потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобой. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее, – хочу, чтобы мы оба были одно».

Итак, зная это и великое Его о нас попечение, будем все делать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великих Его даров, которые да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Как стяжать любовь к Богу³

Пусть никто не говорит мне: «Как могу я любить Бога, Которого не вижу?» И многих мы любим, не видя их, как, например, отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, нисколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспламеняет любовь, усиливает привязанность. Потому и Павел, говоря о Моисее, что он, оставив сокровища, богатство, царскую славу и все прочие почести египетские, решил лучше страдать с иудеями, и затем, показывая нам причину этого в том, что все это он делал для Бога, присовокупляет: *Как бы видя Невидимого* (Евр. 11, 27).

Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его: небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспламеняется любовью. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, то есть мужей святых и имеющих перед Ним дерзновение. Послужи же теперь им и будешь иметь немалое утешение для своей любви.

И между людьми мы обыкновенно любим не только друзей своих, но и тех, кого они любят. Если кто из любимых нами скажет: «Я люблю такого-то и всякое благодеяние, оказанное ему, считаю оказанным мне самому», то мы делаем все и стараемся всячески угодить этому человеку, как будто видим в нем самого любимого. То же можно делать теперь и в отношении ко Христу. Он сказал: «Я люблю бедных, и если они получают какое-нибудь благодеяние, Я воздам за то, как бы Сам получил его». Будем же делать все для облегчения их участи или, лучше, истощим на них все свое имущество, веруя, что в лице их мы питаем Бога. А что действительно, питая их, мы питаем Самого Бога, об этом послушай, что говорит Христос: *Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня... был наг, и вы одели Меня* (Мф. 25, 35–36); и много доставляет Он нам случаев к удовлетворению нашей любви.

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого. Каждый из этих предметов сам по себе может воспламенить в нас любовь. Хотя бы мы от какого-нибудь человека не получали никакого благодеяния, но если слышим, что он постоянно любит нас, хвалит нас и удивляется нам, то и сами тотчас привязываемся к нему душой и любим его как благодетеля. А в Боге не одно только это, но и все три совершенства можно видеть в такой высокой степени, что невозможно выразить их словом.

И, во-первых, красота этого блаженного и нетленного Существа неизъяснима, ни с чем несравненна, превосходнее всякого слова и выше всякого разумения. Впрочем, возлюбленный, когда ты слышишь о красоте, то не предполагай ничего телесного, но разумеи некоторую славу бестелесную и великолепие невыразимое. Но ты желаешь, чтобы мы исчислили Его благодеяния? И их невозможно изобразить словом. Любовь, которую Он показал нам, какое слово может изобразить? Удивляясь ей, Иоанн говорил: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного* (Ин. 3, 16).

Если же ты хочешь слышать собственные слова Его и узнать Его любовь, то послушай, что говорил Он чрез пророка: *Забудет ли женищина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя* (Ис. 49, 15). И как Псалмопевец говорит: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2), так и Христос говорил: *Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели* (Мф. 23, 37).

И как пророк ищет подобия для выражения своей любви, так и Бог употребляет некоторые подобия, чтобы выразить нам любовь, какую Он показывает в устройении нашего спасения.

³ Толкование на Псалмы, 41 (3–4).

Пророк приводит в пример жаждущую лань и иссохшую землю, а Бог – любовь птиц к своим птенцам и сродоболие матерей – не потому чтобы Он любил нас только так, как мать дитя, но потому, что, кроме этих образцов, подобий и примеров, у нас нет других сильнейших выражений любви. А что Он любит нас не только так, как нежная мать детей, а гораздо больше, послушай слова Его: *Забудет ли женщина грудное дитя свое... то Я не забуду тебя*. Этими словами Он выразил, что любовь Его к нам пламеннее всякой другой любви. Представь же себе все это вместе, и ты возбудишь в себе горячую любовь, возжешь светлый пламень.

О благодарности Богу⁴

Любовь к людям обыкновенно ничем так не воспламеняется в нас, как воспоминанием о благодеяниях, которые мы получили от них. Так будем поступать и в отношении к Богу. Представим себе, сколько Он сделал для нас: само небо, землю, море, воздух, земные растения, различные цветы, животных, пресмыкающихся, обитающих в море, в воздухе, звезды небесные, солнце, луну, вообще все видимое, молнии, порядок времен, преемство дня и ночи, перемены времен года.

Он вдохнул в нас душу, одарил нас разумом, почтил величайшей властью; посылал Ангелов, посылал пророков, наконец – Сына Своего Единородного. И затем Он продолжает призывать тебя ко спасению и Сам, и через Единородного Сына. Не ограничился Бог и этим, но, взяв Начаток от твоего естества, посадил Его *превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем* (Еф. 1, 21). Действительно, что может сравниться с такою честью, когда Начаток нашего рода, который столько оскорблял Бога и столько был унижен, сидит на такой высоте и обладает такою честью?

И не только общие благодеяния исчисляй в уме своем, но и те, которые касаются собственно тебя: например, как ты некогда подвергнулся клевете и избавился от обвинения, как некогда в бурную и темную ночь ты попал в руки разбойников и избежал их умыслов, как ты некогда был вознагражден после понесенного тобой убытка, как подвергся тяжелой болезни и получил облегчение. Исчисляй все благодеяния Божии, оказанные тебе в течение всей твоей жизни, и, конечно, ты найдешь их много не только в целой жизни, но и в одном дне.

И если бы Бог захотел представить нам все благодеяния, которые мы, не сознавая и не разумея, получаем от Него каждый день, то мы не могли бы и перечислить их. Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил! Если бы только Бог позволил им показать нам свои страшные и отвратительные лица, то не пришли ли бы мы в ужас, не погибли ли бы, не уничтожились ли бы?

Размышляя обо всем этом, равно и о грехах своих, которые мы совершаем сознательно или по неведению, – и то ведь немалое благодеяние, что Бог не каждый день наказывает нас за наши согрешения, – мы можем питать в себе любовь к Богу. В самом деле, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грешишь, сколько каждый день получаешь благодеяний, каким пользуешься долготерпением, какой снисходительностью, когда подумаешь, что, если бы Бог каждый день наказывал, ты не прожил бы и краткого времени, по словам пророка: *Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, Господи, кто устоит?* (Пс. 129, 3), то воздашь Ему благодарность и не будешь роптать ни на что, случающееся с тобой, – напротив, увидишь, что если бы ты потерпел бесчисленное множество зол, и тогда еще не понес бы достойного наказания. При таком расположении духа ты воспламенишь в себе великую любовь и будешь в состоянии говорить вместе с пророком: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2).

⁴ Толкование на Псалмы, 41 (4–5).

Любящему Бога невозможно грешить⁵

Поглощай умственного змея, умерщвляй грех – и ты возжадешь любовью к Богу. Как порочная совесть делает нас нечистыми и ввергает в отчаяние, так тогда, когда мы умертвим свои грехи, очистим себя от пороков, мы будем в состоянии прозреть для духовной жажды, с великим усердием призывать Бога, воспламенить в себе сильнейшую любовь, и не словами только, но и самими делами воспевать этот припев. Не для того воспел нам псалмы блаженный муж или, лучше, благодать Духа, чтобы мы произносили одни только слова, но чтобы осуществляли их самими делами. Поэтому не думай, будто ты входишь сюда для того, чтобы только произносить слова, – нет, когда ты подпеваешь этот припев, то почитай его договором между Богом и тобой. Когда ты произнес: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2), ты заключил с Богом договор, написал обязательство без бумаги и чернил, громогласно исповедал, что ты любишь Его больше всего, что ты не предпочитаешь Ему ничего и горишь к Нему любовью.

Итак, если ты по выходе отсюда увидишь какую-нибудь красивую и бесстыдную женщину, которая станет соблазнять тебя и привлекать к своей любви, то скажи ей: «Я не могу следовать за тобой: я заключил договор с Богом в присутствии братии, священников, учителей; я исповедал и обещал чрез этот припев любить Его так, *как лань желает к потокам воды*; я боюсь нарушить договор и к Нему одному питаю любовь».

Если на торжище ты увидишь серебро, или золотые одежды, или людей, гордо выступающих в сопровождении слуг, на златосбруйных конях, то не обольщайся этим блеском, но опять припевай в самом себе и скажи душе своей: «Недавно мы пели: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже*; я приложил это изречение к себе и сделал его своим».

Так не будем любить эти житейские блага, чтобы любовь к Богу оставалась в нас чистой и не ослабевала от разделения! Это богатство может доставить нам всякое другое богатство, всякое сокровище, всякую почесть, всякую славу, всякую знаменитость. Будем же хранить его – и мы не станем нуждаться ни в чем другом.

Если иные, предавшись постыдной любви и воспламенившись страстью к какой-нибудь красивой девице, часто, несмотря на угрозы родителей, на упреки друзей и насмешки посторонних людей, не оставляют ее, но из привязанности к ней пренебрегают и своим домом, и отцовским наследством, и славой, и добрым именем, и увещанием друзей, считая великим для себя вознаграждением за все это, когда бывают угодны своей любимице, хотя бы она была незнатна, бесчестна и какая бы ни была, то любящие Бога как должно могут ли когда-нибудь быть чувствительными к человеческим радостям или горестям?

Нет, преданные этой любви даже не станут смотреть на блеск настоящей жизни, но будут смеяться над всяким благоденствием, презирать и всякое бедствие, привязавшись любовью к Богу, не видя ничего другого, кроме Его одного, представляя Его везде и считая себя блаженнее всех. Хотя бы они были в бедности, хотя бы в бесчестии, хотя бы в узах, хотя бы в скорбях, хотя бы в крайних бедствиях, они будут считать себя счастливее самих царей, находя некоторое дивное услаждение среди всех своих страданий в том, что они терпят их для своего Возлюбленного.

⁵ Толкование на Псалмы, 41 (5).

Заповеди Божии и заповеди дьявола⁶

Люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобрести Царство Небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такое ожесточение?

Люди, одержимые безумной страстью к деньгам, кого бы ни встретили, врагов ли, или рабов, или самых злых своих противников, самых негодных людей, если только надеются получить через них деньги, решаются на все: и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них – надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А Царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги, или, лучше, не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого Царства. Если же и обещано Царство, и дает его Сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого Лица.

А теперь между тем происходит то же, как если бы царя, который после бесчисленного множества других благодеяний хочет сделать нас своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали бы презирать, а начальнику разбойников, который был причиной весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, стали бы кланяться, если он покажет нам хотя один овол. Бог обещает нам Царство, и мы пренебрегаем Его, дьявол готовит нам геенну, и мы чтим его! То – Бог, а это – дьявол!

Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь если бы даже ничего этого не было: если бы, то есть, то не был Бог, а это – дьявол, если бы первый не уговорял нас Царства, а последний – геенны, самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один – то, что покрывает нас стыдом, а другой – то, что делает нас славными; один – то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой – то, что доставляет великую отраду.

Но, несмотря на то что дьявол дает нам тягостные повеления и в награду за то предлагает геенну, несмотря на то что он – дьявол и враг нашего спасения, все же мы больше слушаем его, чем Христа, хотя Христос – наш Спаситель и благодетель и предлагает нам такие заповеди, которые и приятнее, и полезнее, и благотворнее, которые приносят величайшую пользу и нам, и тем, кто с нами живет.

Будем же повиноваться Богу и не станем ввергать себя в бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняет душу, чтобы сподобиться вечных благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

⁶ Беседы на Деяния апостольские, 6 (3–4).

О наградах, которые Бог уготовал любящим Его⁷

Мы – воины Царя Небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бродягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин. Мы – воины не отдаленного какого-либо царя, но близкого к нам. Земной царь не допустит всех в свой дворец и к своей особе, но Царь Небесный хочет, чтобы все были близ царского Его престола.

«Но как возможно, – скажешь, – чтобы мы, находясь здесь, предстояли Его престолу?» Так же, как и Павел, будучи на земле, был там, где Серафимы и Херувимы, и даже ближе был ко Христу, нежели щитоносцы к царю: эти последние обращают свои взоры на многие предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена к Царю-Христу. Если, следовательно, мы захотим, и нам это будет возможно.

Если бы Господь отдален был местом, то ты имел бы причину сомневаться, если же Он везде присутствует, то и близок ко всякому, кто все внимание устремил к Нему. Вот почему и пророк сказал: *Не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. 22, 4). И Сам Бог говорит: *Разве Я – Бог только вблизи, а не Бог и вдали?* (Иер. 23, 23). Поэтому как грехи удаляют нас от Него, так добрые дела приближают к Нему: когда еще будешь говорить, сказано, *Он скажет: «вот Я!»* (Ис. 58, 9).

Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Какая мать бывает так заботлива и всегда ждет, не позовут ли ее дети? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери – только один Бог непрестанно ждет, не воззовет ли к Нему кто из слуг Его, и никогда не оставляет наших прошений, когда просим Его должным образом. Потому-то Он и говорит: «Когда еще будешь говорить: ты еще не кончишь своих прошений, а Я уже выслушаю».

Итак, будем призывать Его, как Он того хочет. Но как Он хочет? *Разреши, – говорит, – оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!»* (Ис. 58, 6–9).

Но кто же в состоянии все это сделать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не в состоянии? В самом деле, что здесь трудного? Что тягостного? Что неудобного? Напротив, это не только возможно, но и так легко, что многие даже сделали более: не только раздирали несправедное писание, но и отдавали все свое, не только укрывали и питали у себя бедных, но трудились до пота, чтобы их прокормить, благодетельствовали не только сродникам, но и врагам.

И в самом деле, что трудного в сказанном выше? Не говорят тебе: взойди на гору, переплыви море, возделай столько-то десятин земли, долго постись, надень вретиче, но: подай ближним, подай хлеба, разорви несправедно составленные писания. Что легче этого, скажи мне? Если же тебе и кажется это трудным, то посмотри на награды, и будет для тебя легко. Подобно тому как цари подвигающимся на ристалищах конских предлагают венцы, награды и одежды, так и Христос среди поприща полагает награды, показывая их в каждом слове пророка, как бы в особой руке.

Земные цари, пусть они будут тысячу раз цари, все же люди: и богатство у них тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великим, отчего каждую вещь вручают особому прислужнику и таким образом выставляют напоказ. Не так поступает наш Царь: так как Он весьма богат и ничего не делает напоказ, то Он выставляет дары, сложив все

⁷ Толкование на святого Матфея Евангелиста, 54 (5–6).

вместе, и если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы, и много требовалось бы рук держать их. Чтобы увериться в этом, рассмотри внимательно каждую из наград.

Тогда откроется, – сказано, – *как заря, свет твой*. Не думаешь ли, что тут один дар? Нет, не один – он заключает в себе много почестей, венцов и других наград. Если угодно, разложим и покажем по возможности все богатство, только не поскучайте. И, во-первых, посмотрим, что значит *откроется*? Не сказано «явится», но *откроется*. Это показывает нам скорость, и обилие, и то, как много желает Он нашего спасения, как усиливается и спешит породить эти блага, – показывает, что ничто не удержит этого неизреченного усилия; все это выражает обилие даров и бесчисленное богатство.

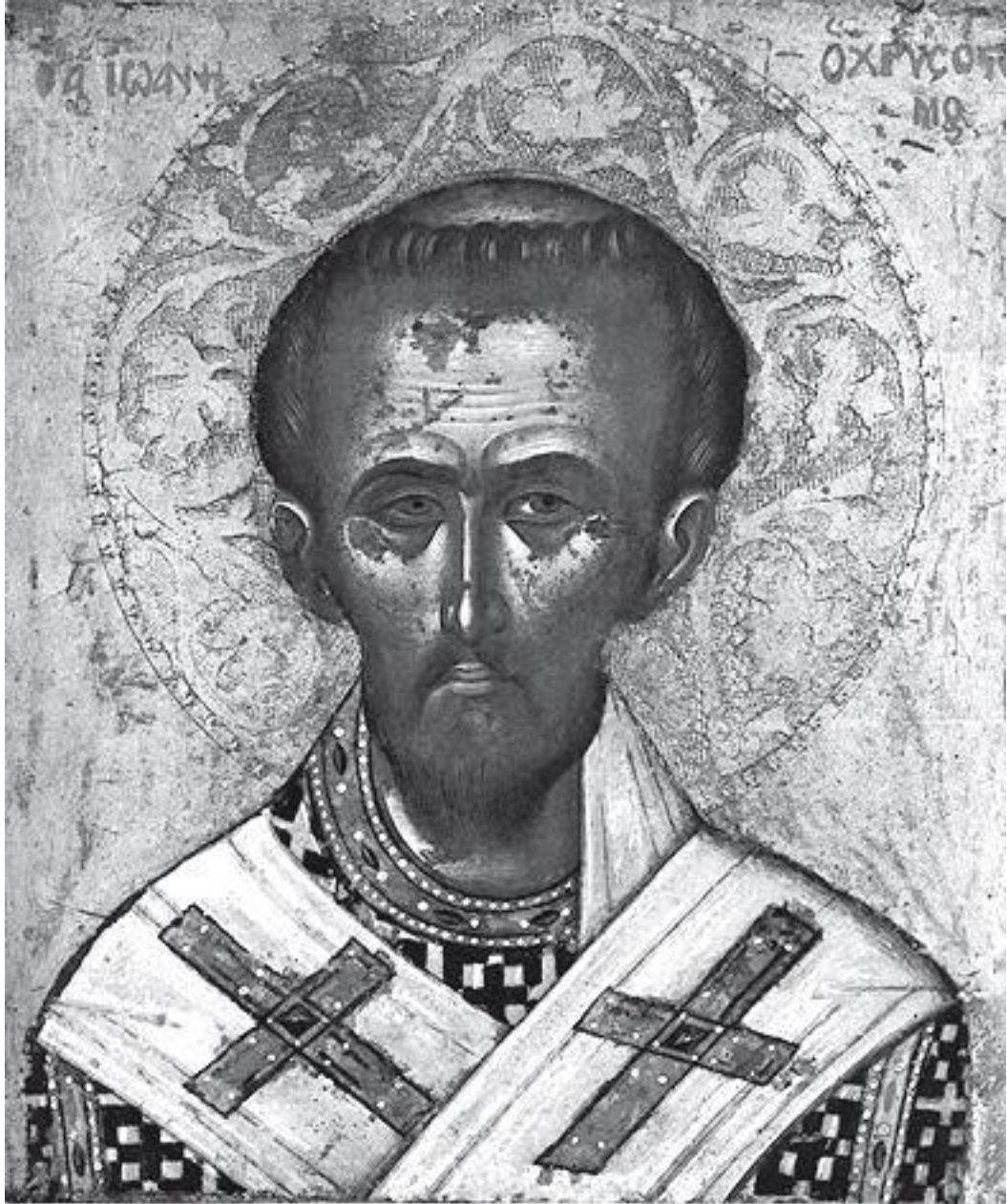
Что значит *как заря*? Это значит, что награды даются не после искушений или испытанных бедствий, но еще прежде. Как плоды, которые показались прежде времени, мы называем ранними, так и здесь, опять выражая скорость, Он так же говорит, как и выше сказал: *Тогда ты... возопиешь, и Он скажет: «вот Я!»* А о каком свете говорит Он? Что это за свет? Не этот чувственный, но другой, гораздо лучший, при котором мы видим небо, Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Престолы, Господства, Начала, Власти, все воинство, чертоги и дворы царские. Если ты удостоишься этого света, то и это все увидишь, избавишься геенны, ядовитого червя, скрежета зубов, неразрешимых уз, стенания и скорби, непроницаемой тьмы, рассечения надвое, реки огненной, проклятия и места мучения и пойдешь туда, где нет ни болезни, ни печали, где великая радость, и мир, и любовь, и веселье, и услаждение, где жизнь вечная, слава несказанная и красота неизреченная, где вечные обители, слава Царя непостижимая и такие блага, которых *не видел... глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9), где духовный чертог и небесные ложи, где девы с ясными светильниками и облеченные в брачные одежды, где бесчисленное богатство Господа и царские сокровищницы.

Видишь ли, сколько наград, и как все они выражены одним словом, и как все совокуплены вместе? Точно так же, если станем разбирать и прочие слова, откроем бесчисленнейшее богатство – море неизмеримое! Итак, скажи, будем ли еще медлить и не радеть о вспомоществовании бедным?

Нет, умоляю вас, но хотя бы нужно было всем пожертвовать, хотя бы нужно было броситься в огонь и идти против мечей и секир или другое что потерпеть, все будем переносить охотно, чтобы получить одеяние Царства Небесного и неизреченную славу, каковой славы все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Часть 2 О добродетелях

Увещание к подвигам добродетели⁸

Мы должны устраивать свою жизнь с такой тщательностью, как те, кому скоро предстоит дать отчет и в словах, и в делах, и в самых помышлениях своих. Итак, не станем пренебрегать своим спасением. Ничего нет равного добродетели, возлюбленный! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в Царство Небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всеу и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих

⁸ Беседы на Книгу Бытия, 8 (6), 36 (5–6).

демонов и врага нашего спасения, то есть дьявола. Итак, что может сравниться с ней, когда она исполнителей своих делает выше не только злокозненных людей, но и демонов?

А добродетель состоит в том, чтобы презирать все людское, ежечасно помышлять о будущем, не прилепляться ни к чему настоящему, но знать, что все человеческое есть тень и сон и даже ничтожнее этого. Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, также и по отношению к вредному для спасения души быть бездейственным, как бы мертвым, но жить и действовать только для духовного, как и Павел сказал: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Поэтому и мы, возлюбленные, станем делать все так, как прилично облекшимся во Христа, и не будем оскорблять Духа Святого. Когда возмутит нас страсть, или нечистая похоть, или гнев, или ярость, или зависть, тогда подумаем, кто живет в нас, и прогоним далеко всякий такой помысел. Устыдимся преизобильной той благодати, данной нам от Бога, и обуздаем все плотские страсти, чтобы после надлежащих подвигов в краткой и скоротечной этой жизни удостоиться нам великих венцов в тот грядущий день, страшный для грешников и вожделенный для облекшихся добродетелью.

То, что нам в особенности обещано, превышает всякий человеческий разум и превосходит всякое рассуждение. Так велики обетования! В самом деле, не в настоящем только веке нам обещает Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает Господь воскресить их и водворить в большей славе. *Ибо тленному сему надлежит*, – говорит блаженный Павел, – *облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 53). А после воскресения тел Господь обещает даровать нам наслаждение Царствия, общение со святыми, бесконечный покой и те неизреченные блага, которых *не видел... глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Итак, видишь ли, сколь велико превосходство обещаний? Видишь ли величие даров? Размышляя об этом и зная неложность обещанного, со тщанием подготовим себя к подвигам добродетели, чтобы можно нам было насладиться обещанными благами, спасению нашему и наслаждению столь великими благами не предпочтем благ временных, не станем рассуждать о трудах добродетели, а будем помышлять о воздаяниях, не станем смотреть на трату денег, когда их нужно бывает давать бедным, а представим себе происходящие отсюда последствия. Для того-то Божественное Писание и уподобило милостыню семени, чтобы мы с радостью и великой охотой ее творили.

Если те, которые бросают в землю и рассеивают собранные и хранимые семена, делают это с великой радостью, питаются благими надеждами и представляя себе колосья, полные зерен, то гораздо больше прилично радоваться и восхищаться тем, кто устаивается сеять духовное, потому что они, сея на земле, пожнут на небе, бросая деньги, получают прощение грехов и приобретают залог упования и, подавая здесь милостыню, готовят себе вечный покой и сожитие со святыми. А если мы изберем целомудрие, то не станем обращать внимания на то, что эта добродетель соединена с трудом или что девство требует великого подвига, но помыслим об ожидающем нас наследии; рассуждая всегда об этом, будем обуздывать порывы злых пожеланий, побеждать влечения плоти и облегчать тяжесть трудов надеждой воздаяний.

Таким образом, мы можем презирать и славу настоящей жизни, предпочитая ей славу истинную, а более заботиться о смиренномудрии и считать за ничто всякое счастье здешней жизни, чтобы насладиться счастьем истинным и прочным и удостоиться узреть Христа. *Блаженны*, – сказано, – *чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Итак, очистим нашу совесть и со тщанием позаботимся благоустроить свою жизнь, чтобы, проведя настоящий век во всякой добродетели, удостоиться за здешние подвиги наград в будущем веке благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Основание всех добродетелей⁹

Первая добродетель, и добродетель всеобщая, состоит в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего со здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, подобно тем блаженным ученикам, о которых апостол говорит: *Скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37–38).

Они называли себя странниками, а Павел сказал о себе еще нечто большее: он не только называл себя странником, но говорил, что он мертв для мира и мир мертв для него: *Для меня, – говорит он, – мир распят, и я для мира* (Гал. 6, 14). А мы ведем себя как здешние граждане и устраиваем все дела свои в жизни так, как живые граждане. Чем праведники были для мира, то есть странниками и мертвыми, то мы для неба, а чем были они для неба, то есть живыми гражданами, то мы для мира.

Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную, тем мы и прогневаем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство, но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую, а из этой опять возвращаемся в ту и вообще нисколько не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но, как бы погрузившись в глубокий сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами.

Как люди, предающиеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступлении утра и даже светлого дня лежат в постели и не стыдятся предаваться такому удовольствию, обращая время труда и деятельности в время сна и лености, так и мы, с приближением дня, по прошествии ночи, или, лучше сказать, уже по наступлении дня, – а сказано: *Делайте, доколе есть день* (Ин. 9, 4), – совершаем дела, свойственные ночи, спим, видим сны, улаждаемся мечтаниями. Сомкнулись наши очи, и умственные, и телесные; мы ведем пустые речи, говорим вздор.

Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанес нам глубокую рану, похитил все наше имущество и зажег самый дом, или, лучше сказать, мы даже не ожидаем, чтобы другие сделали это, но сами поступаем так, каждодневно уязвляем и поражаем сами себя, бесстыдствуем, не знаем никакого приличия, никакой чести и своих постыдных дел ни сами не скрываем, ни другим не позволяем делать это, но с полным бесстыдством делаем себя посмешищем и предметом бесчисленных поруганий для всех видящих и проходящих.

Святые были странниками и пришельцами. Они ежедневно томилась желанием освободиться отсюда и возвратиться в свое отечество, а мы – напротив. Когда случится какая-нибудь горячечная болезнь, то мы, бросив все, подобно малым детям, плачем и боимся смерти, – и справедливо терпим это, потому что не живем здесь как странники и не спешим туда, как в отечество, а идем как на казнь. Потому мы и скорбим, что не пользуемся вещами, как должно, а извратили порядок вещей; потому мы и мучимся, тогда как следовало бы радоваться; потому и трепещем, подобно каким-нибудь убийцам и разбойникам, когда им предстоит явиться на суд и когда они припоминают все дела свои и оттого страшатся и трепещут.

Не таковы были те мужи, но они сами спешили туда, а Павел даже вздыхал о том, как он сам говорит: *Мы, находясь в этой хижине, вздыхаем под бременем* (2 Кор. 5, 4). Таков был Авраам и подобные ему – они были, говорит апостол, странниками для целой вселенной и искали отечества (см.: Евр. 11, 13). Какого? Не того ли, которое оставили? Нет – что препятствовало им, если бы они хотели возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали Отечества небесного. Так спешили они удалиться отсюда и так угождали Богу, потому и Сам Бог не стыдится называться Богом их.

⁹ Толкование на Послание к Евреям, 24 (1–3).

О какая честь! Он восхотел называться их Богом! Ныне Бог называется Господом всех христиан, хотя и это выше нашего достоинства; если же Он называется Богом одного человека, то подумай, сколько в этом величия! Бог вселенной не стыдится называться Богом троих человек, – и справедливо, потому что святые равняются не только этому миру, но и бесчисленному множеству их: *Лучше один праведник, нежели тысяча грешников* (Сир. 16, 3).

Будем же странниками и мы, по крайней мере, ныне, чтобы Бог не стыдился называться нашим Богом. А для Него было бы стыдно, если бы Он назывался Богом людей порочных – таких Он и Сам стыдится и, напротив, считает честью для себя быть Богом людей добрых, честных и упражняющихся в добродетели. Будем, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился нас Бог, чтобы не стыдился и не предал геенне!

Страх Божий¹⁰

Самая высокая добродетель – приписывать все Богу и ничего не почитать своим, ничего не делать для приобретения славы человеческой, но все – для благоугождения Бога, потому что Он (а не другой кто) потребует у нас отчета. В наше же время порядок этот извращен. Ныне мы не столько боимся Того, Кто некогда воссядет на судилище и потребует у нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд. Откуда же у нас эта болезнь? Откуда проникла в наши сердца? От редкого помышления о будущем и крайней привязанности к настоящему.

Оттого мы так легко впадаем и в злые дела, и даже если делаем что-нибудь доброе, то делаем только напоказ, так что и отсюда для нас происходит вред. Ты не один раз глядел бесстыдными глазами на женщину и утаил это как от той, на которую посмотрел, так и от спутников твоих, но ты не скроешь этого от Ока, никогда не дремлющего. Еще прежде чем человек совершит грех, Оно уже видело в душе его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движение помыслов. Тот, кто все видит, не имеет нужды в свидетелях и доказательствах.

¹⁰ Беседы на Второе Послание к Коринфянам, 5 (3).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.